

столетия: переоценкой нравственных и эстетических ценностей. Авторы показывают национальность через религиозные темы. Нравственность, жить по канонам мира – самые главные факторы, которые могут раскрыть самые главные проблемы действительности. Описывая жизнь в деревнях, в простых семьях, авторы показывают как наше окружение влияет на восприятие действительности. Для решения всех проблем надо начать с самого малого – с соблюдения неписанных правил, которые пришли издавна, только так можно сохранить все ценности и оставаться при этом человеком.

Литература

1. Байрамова Ф. Последняя молитва: роман – Казань: Аяз, 2000. – 143 с. (на татарском языке)
2. Загидуллина Д.Ф. На новой волне (Традиции и нововведения в татарской прозе 1980-2000 годов). – Казань: Магариф, 2005. – 255 с. (на татарском языке).
3. История татарской литературы: В шести томах: Т.6: Литература 60-90 годов. – Казань: Изд-во «Раннур», 2001. – 544 с. (на татарском языке).
4. Сверигин Р. На рубеже веков [о повести Ф. Байрамовой «Соңгы намаз»] // Огни Казани. – 2002. – № 4. – С.150-152. (на татарском языке)
5. Татарская Литература: Теория. История – Казань: Изд-во «Магариф», 2004. – 247 с. (на татарском языке)

Тенбаева Алтынай Мейрбаевна,

*д.филол. н., ассоц. профессор кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Академия гражданской авиации
г. Алматы, Казахстан
e-mail: altynai06@list.ru*

УДК 821.512.122.0

О РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ АРХЕТИПА БОЖЕСТВЕННОГО РЕБЕНКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

ON REAL DEPICTING OF THE DIVINE ARCHETYPE OF A CHILD IN POETIC TEXT THROUGH THE NATIONAL SPECIFIC CHARACTER

Аннотация. В статье рассматривается казахская специфика архетипа юного героя. На материале поэтического текста показано взаимодействие этого образа и солярного божества Алаша.

Ключевые слова: архетип, образ, поэтический текст.

Abstract. This article represents the Kazakh specific character of a archetype of a youthful hero. The interaction of this image and a solar god Alash.

Keywords: archetype, image poetic, text.

Бессознательное – важнейшая составляющая психической жизни человека. Его природа – утраченные, забытые образы и впечатления. Они во многом определяют сознание, являются его неотъемлемой частью. А сны – своеобразное выражение бессознательного в форме образов и символов [4].

Не вызывает сомнений, что у бессознательной стороны душевной жизни человека и творчества схожая природа. И символы бессознательного могут проявляться, в частности, в словесном творчестве. Яркий пример подобного синтеза – творчество казахского поэта Гульнар Салыкбай.

В данной статье – опыт прочтения функционирования и трансформации древнего архетипа божественного ребенка (по терминологии К.Юнга) на материале поэтического текста Г.Салыкбай. Обратимся к одному из стихотворений сборника «Аспандағы аңсарым»:

Тобылғы түстес торы бала,
Тобылғы торы аты бар...
Тобылғы қамшы қолында
Тобылша толқып тұрғандай.

Торыны тұсап сәлден соң,
Торыған түнді кескілеп...

Тортасын алып сары айдың,
Торлаған мұнды сырғандай.

Қамыстың басы сыбдырлап,
Қамаған жұлдыз төбеден
Қамығып маған қараса,
Қамшысы түсер қолынан...

Түскендей көктен тәңірге,
Түстеп бір қарай алмастан.
Түсіне алмай өзімді,
Түс сынды торы балаға
Түсімде ғана жолығам... («Тобылғы түстес торы бала...») [3].

Описание ребенка в импрессионистической манере наталкивает на мысль о лучах закатного солнца. Наличие коня придает образу монументальность. Покачивание всадника акцентирует семантику наступление активной фазы сна. Усиливает эффект нарастания иллюзорности наклонение глагола «тұрғандай». Вспомним, что во сне смещены объективные связи явлений. Фазы сна переданы с физиологической точностью. Красное марево, которое героиня видит в фазе дремоты, сменяется размытой визуальной картиной, переходной между фазами медленного и быстрого сна. Отметим, что для поэзии Г.Салыкбай характерно особое внимание к пограничным состояниям.

Атрибуты ребенка – конь, цвет одежды, сверхспособности (власть над природными светилами), само его местонахождение на небе – апеллируют к архетипу детского Бога/юного героя (по терминологии К.Юнга) [5]. Данный архетип объединяет божественное и человеческое, бессознательное и осознанное. Это один из этапов движения личности к целостности, Самости [5].

Таким образом, маркирование образа ребенка в тексте указывает на внутренние искания автора-героини, а также, возможно, на психологические тупики, из которых она бессознательно ищет выход. Ведь сознание бессильно, поскольку чрезмерно категорично и не видит нестандартного выхода из ситуации. А бессознательное в этом случае может стать спасением. Это сложный и опасный путь развития личности [5].

В казахской мифологии архетип божественного ребенка ярко реализуется в образе Алаша – солярного божества, прародителя казахов [1]. В этом образе отчетливо выделяются основные мотивы архетипа, выделенные К.Юнгом: заброшенность, непреодолимость ребенка, мотив «меньше малого, но больше большого». Атрибуты облика мальчика – конь, плеть – говорят о наслоении еще двух образов. Это образ батыра: вспомним, что Алаш из прокаженного мальчика вырос в известного батыра. В казахской традиции конь батыра имеет сакральное значение и является метонимией его самого [5].

В словаре С.Кондыбая в статье «Плеть» читаем: «Один из предметов быта, имеющий некоторое мифически-сакральное свойство... Камча – оружие, атрибут божества, громовника... С помощью плети шаманы прогоняют джин-пери, духов болезни. По представлениям казахов, любой пери очень боится плети, особенно, сделанной из дерева тобылгы» [2, с. 196-197]. Плеть из таволги, общая окрашенность визуальной картины в цвет таволги, а также покачивание мальчика наталкивают на мысль об образе шамана. Для данной работы особый интерес представляет выводы казахского исследователя З.Наурызбаевой. Она проводит прямые аналогии между камланием шамана и психоанализом. Сходство в воздействии на человека заключается в движении к началу психологической организации человека и ее возможной коренной трансформации. Инструментом является мифологическое мышление. Из подсознания всплывают впечатления и воспоминания, которые становятся осознанных новых эмоций и ощущений. Сопричастность шамана с Иным миром и умение донести его суть исцеляет недуги человека [2].

Судьба мифологического ребенка не проста и противоречива. Он одинок, его преследуют опасности, но он их побеждает благодаря сверхспособностям [5]. Одинок, оторван от родителей и мифологический мальчик Алаш: из-за уродства отец бросает его на произвол судьбы в реку [1]. Одинокими были и шаманы. З.Наурызбаева писала о пожизненной лиминальности баксы, жырау и кюйши [2].

Одинок и мальчик у Г.Салыкбай. Внутренний конфликт разрывает сознание на противоположности. Чтобы преодолеть его, следует абстрагироваться, отойти от истоков, пройти самостоятельное развитие. Типично и то что, ребенку благоволят природные стихии, они даже подчиняются ему. К.Юнг указывал на то, что «природа, сам инстинктивный мир попечительствует ребенку». Ребенку/Самости необходимо пройти путь развития, необходимо состояться [5].

В третьей строфе поэт «играет» звуком и пространством. Нагнетается ощущение тотальности печали, она словно везде разлита. Взгляд звезды выводит из тени автора-героиню. До этого момента мы видели происходящее ее глазами, но сама она была скрыта.

Свет звезды «обнаружил» героиню. И что-то в этом потрясло мальчика. В выразительной визуальной

картине 12-ой строки есть нечто пронзительное, шемящее, по-детски непосредственное, словно чуть приоткрывается завеса тайны взаимоотношений героини и мальчика, словно печаль, разлитая в пространстве, достигла апогея в эмоциях мальчика.

Примечательно, что у Г.Салыкбай ребенок предстает уже состоявшимся Богом/героем, и лишь потом в нем обнаруживается уязвимость. На наш взгляд, это связано со спецификой душевной жизни автора-героини. Возможно, бессознательная сфера «её» душевной жизни предупреждает о потенциальной опасности.

Процесс пробуждения связан с нисхождением. Пространственные соотношения по-прежнему смещены: героиня спускается с неба к Создателю. Усиливает эффект ирреальности наклонение глагола. Появляется чувство неловкости или даже боязни – героиня не смеет поднять глаза. Пробуждение наступает с осознанием, что она не понимает себя, когда во сне устремляется к мальчику-иллюзии. Глагол «жолығам» очень точно отражает бессознательное желание. В конечных строках фигура умолчания маркирует недосказанность.

Таким образом, бессознательные чувства и ощущения героини нашли свое выражение в образе божественного ребенка. Этот образ вобрал в себя архетипичные мотивы, традиции казахской мифологии и индивидуально-авторской осмысление. Сложный, многоликий образ юного Бога/героя способствует активизации множества читательских интерпретаций.

Литература

1. Кондыбай С. Казахская мифология. Краткий словарь. – Алматы, 2005. – 272 с.
2. Наурзбаева З. Мифоритуальные основания казахской культуры (на материале фольклорных текстов): дисс. ...канд. филол. наук. – Алматы, 1994. – 145 с.
3. Салыкбай Г. Аспандағы аңсарым. – Алматы: Жазушы, 2001. – 144 б.
4. Юнг К. Архетип и символ. – Москва: Ренессанс, 1991. – 262 с.
5. Юнг К. Божественный ребенок: / воспитание: Сборник – Москва: «О. АСТ-ЛТД», 1997. – 400 с.

Тухбатова Алсу Равидаровна,

*аспирант кафедры татарского языка и литературы,
методики их преподавания НГПУ
г. Набережные Челны, Татарстан, Россия
e-mail: alsu.tuhbatova@mail.ru*

УДК 821.512.145

Ә.БАЯН ПРОЗАСЫНЫҢ СТИЛИСТИК ҺӘМ ПОЭТИК ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ А.БАЯНА

STYLISTIC FEATURES OF PROSE OF A. BAYAN

Аннотация. В данной статье рассматриваются стилистические и поэтические особенности прозы А.Баяна. Выделены лирические отступления, монологи, приемы поэтического синтаксиса.

Ключевые слова: лирическая проза, А.Баян, стилистические особенности, поэтический синтаксис.

Abstract. This article discusses stylistic and poetic features of the prose of A. Bayan. Selected lyrical digressions, monologues, techniques of poetic syntax.

Keywords: lyrical prose, A. Bayan, stylistic features, poetic syntax.

Әхсән Баян буыны әдәбиятка жәмгыятебез тормышында яңалыкка омтылыш көчәйгән вакытта килде. Әхсән Баянның үзенчәлекле шагыйрь булып формалашуын һәм әдәбиятыбызда лирик проза жанрындагы интеллектуаль эсәрләр тууын шуның белән аңлатып буладыр. “ФТР заманы, табигат һәм кеше арасында гармония эзләү, атом – төш янаган чор, кешелек, тормыш мәгънәсе турында фикер йөртү арткан вакыт, гомумән 60-70 нче еллар атмосферасы интеллектуаль әдәбият үсүенә китерде” [7, б. 41]. Ә.Баян татар әдәбиятында лирик проза үсешенә зур өлешен кертте: сурәтләнгән дөнья чиктән тыш тәэсирле булса да, ул укучыда чынлык иллюзиясе тудырырлык итеп уйланылган: моңа язучының хикәяләүне төп герой исеменнән, беренче заттан алып баруы, сөйләүченең лирик герой статусына якын торуы сәбәпледер. Хәтта сөйләм өченче заттан алып